
Глава 12

Когда они добрались до Хэндяня, полдень давно миновал. Время обеда было безнадежно упущено. На душе у Чжоу Дафэя скребли кошки, вдобавок простуда, подхваченная ещё на Новый год и так до конца и не прошедшая, грозила разыгаться с новой силой. Аппетита не было совершенно.

По крайней мере, в праве морить себя голодом он ещё мог распоряжаться собой.

Сяо Лю, хоть и получал жалованье у Пэй Яня, нарываться на неприятности с Чжоу Дафэем тоже не желал. Он услужливо затащил чемоданы в отведённую гостью комнату.

— Вот ваша спальня, — проговорил помощник, бережно ставя вещи у стены. — Но учитель Пэй просил передать, что вы можете занять и хозяйскую спальню по соседству.

Чжоу Дафэй промолчал. Едва помощник вышел, он задвинул плотные шторы на обоих окнах, отсекая дневной свет.

Из окон второго этажа открывался вид на раскинувшееся за забором соседское подворье, где росло огромное искривлённое дерево. Сад там был чахлый, без цветов и зелени, зато просторную площадку занимали несколько люксовых иномарок, а в центре бил вычурный фонтан.

— Соседи у нас шумные? — безучастно спросил Дафэй, когда Сяо Лю заглянул к нему снова.

— Да тут почти весь посёлок из шоу-бизнеса, — охотно отозвался тот. — За стеной обитает какой-то золотой мальчик из наших кругов. Вечно устраивает гулянки до утра. Если будут мешать — только скажите, мы мигом их приструним. Учителя Пэя они злить не посмеют.

Дафэй криво усмехнулся.

— И что, просто вечеринки?

Сяо Лю замялся, подбирая слова.

— Ну... скажем так, вечеринки — это единственное, о чём прилично говорить вслух.

Помощник не соврал: очень скоро за стеной загремело. Тяжёлые басы и рваный ритм ударных сотрясали воздух, возвещая о начале очередного раунда праздной жизни. Мужские и женские голоса сливались в пьяном угаре. Даже не глядя в окно, можно было без труда представить эту ярмарку тщеславия.

Дафэй сидел в полумраке, заперевшись изнутри, и с каким-то болезненным, почти маниакальным упрямством пытался править сценарий.

Блёклые лучи угасающего дня упрямо просачивались сквозь щели в шторах. Этот серый свет, смешиваясь с тусклым сиянием электрической лампы, рождал в комнате душную, зловещую атмосферу — тошнотворную, словно запах испорченной летним зноем еды. Дафэй чувствовал себя странно: голова оставалась пугающе ясной, но тело сковывала свинцовая усталость. Он прекрасно понимал, что в таком состоянии не выдавит из себя ни одной стоящей строчки.

В основе его новой работы лежала простая, но не дающая ему покоя мысль — о свободе и побеге. Эта тема преследовала его всю жизнь, от неё невозможно было отмахнуться. Но сейчас его собственная свобода была мертва, романтика угасла, а вдохновение сковали тяжёлые невидимые цепи. Вокруг него раскинулась тончайшая, но непреодолимая паутина, лишавшая малейшей возможности пошевелиться.

Чжоу Дафэй поймал себя на мысли, что угодил в банальнейшую, старую как мир ловушку, которая, впрочем, каждый раз маскируется под новые обстоятельства.

Терять ему больше было нечего.

К вечеру Дафэй так и не притронулся к еде, лишь попросил Сяо Лю принести бутылку спиртного.

Помощник, терзаемый смутными сомнениями, прихватил вместе с выпивкой тарелку горячего и пару булок. Дафэй оставил хлеб, а ужин велел унести обратно: есть по-прежнему не хотелось, а переводить продукты попусту он не любил.

Тем временем за стеной веселье набирало обороты. Зашумел фонтан, взрываясь весёлыми брызгами, из соседского двора доносились хмельные выкрики и взрывы хохота. Дафэй сидел на полу в пустой комнате, прислонившись спиной к кровати, и глушил алкоголь прямо из горлышка. Этот чужой, долетающий снаружи праздник помогал ему обманывать себя, создавая иллюзию, будто он не один.

Говорят, Ли Бай, выпив меру вина, рождал сотню стихов.

Дафэю же не нужны были куплеты — он лишь надеялся, что хмель подарит ему крепкий сон без сновидений.

Пэй Янь вернулся на удивление рано.

Одним звонком он разом прекратил только-только набравшую обороты соседскую вакханалию. Поднявшись на второй этаж и обнаружив, что хозяйская спальня пуста — ни вещей, ни присутствия живой души, — он недовольно нахмурился.

— Где Чжоу Дафэй?

— Ему нездоровится, — Сяо Лю испуганно покосился на закрытую дверь гостевой спальни, из-под которой не пробивалось ни единого лучика света. — Весь день маковой росинки во рту не было. Наверное, уже спит.

— Спит? — Пэй Янь свёл брови к переносице.

Он подошёл к двери Дафэя, положил ладонь на ручку и даже слегка нажал на неё, но в последний момент передумал и отпустил металл.

— Следи, чтобы он ел, — бросил Пэй Янь, о чём-то глубоко задумавшись. — Готовьте ему всё, что попросит.

На следующий день была запланирована первая съёмка. Пэй Янь умчался на площадку на рассвете.

Проснувшись и не обнаружив мучителя дома, Дафэй ничуть не удивился. Вчерашнее пьянство на голом полу не прошло бесследно: желудок протестовал против насилия, а простуда, подкреплённая сквозняками, окончательно забила нос.

На кухне томилаась свежесваренная рисовая каша. Дафэй молча налил себе пиалу и съел её вприкуску с острыми маринованными овощами.

Сяо Лю мялся рядом, преданно заглядывая в глаза.

— Господин Чжоу, учитель Пэй вчера очень просил... То есть велел передать, что ради вашего же здоровья вам нужно питаться вовремя и правильно.

Дафэй медленно поднял глаза от пустой миски. Его взгляд был абсолютно пустым и холодным. Помощник заметно занервничал — каково это, вертеться ужом между молотом и наковальней, когда твой работодатель форменный психопат?

Дафэй вытер губы тыльной стороной ладони и коротко хмыкнул.

— К обеду я буду спускаться сам, — сухо обронил он. — В остальное время не смейте меня беспокоить. Нечего шастать ко мне в комнату.

С этого дня молодой режиссёр добровольно загнал себя в ещё более тесные рамки внутри той золотой клетки, что выстроил для него Пэй Янь. Он спускался ровно трижды в день, беззвучно съедал положенное и тут же растворялся в полумраке своей комнаты.

Никаких прогулок, никаких разговоров. Никто в доме не знал, чем он занят часами напролёт.

Сяо Лю, знавший Дафэя не только покорной куклой, не находил себе места от тревоги. В этой звенящей тишине ему чудилось затишье перед бурей.

И предчувствия его не обманывали.

В отличие от былых дней в Шанхае, теперь, во сколько бы хозяин дома ни возвращался со съёмок — будь то ранний вечер или глухая полночь, — Дафэй неизменно «уже спал».

Формально деля одну крышу на двоих, они умудрялись неделями не пересекаться взглядами.

Пэй Янь прекрасно понимал природу этого молчаливого бунта. Строптивый мальчишка бастовал, избрав самый безопасный способ высказать своё презрение.

Его девизом стало ленивое: «Пошёл ты к чёрту со своими правилами».

В душе Пэй Яня копилась глухая, удушливая ярость. Но плотный график съёмок не оставлял времени для домашних разборок, да и повода ухватиться за горло строптивца пока не подворачивалось. Невыплеснутый гнев оседал тяжёлым свинцом, отчего на съёмочной площадке воцарилась гнетущая атмосфера. Доставалось всем без разбору.

Оператор-постановщик Ян Тянь, заметив неладное, попытался было осторожно выведать, как там поживает Дафэй, но Пэй Янь лишь раздражённо отмахнулся, пресекая любые расспросы на корню.

Ситуация с Дафэем действительно заходила в тупик.

Видимо, человек так устроен: стоит подержать при себе диковинного зверька хотя бы месяц, как к нему незаметно привязываешься. Вот и Пэй Яню уже не хотелось устраивать очередную кровавую баню с битьём посуды.

Ему грезилась иная, куда более изощрённая картина: окружить Дафэя сытой, ленивой заботой, незаметно состричь ему когти и заставить принять неволю. Он глупо надеялся, что пленник покорится разумом и сердцем. Но реальность безжалостно била наотмашь: Дафэй лишь

притворялся послушным, выгадывая время, и эта фальшь приводила Пэй Яня в бешенство.

Пролетел почти месяц.

Съёмочный график Пэй Яня трещал по швам. Требовательный к актёрам, к себе он был беспощаден вдвойне. И лишь когда в бесконечной череде съёмочных смен выдался относительно свободный день, у него наконец появилось время, чтобы заняться своим строптивым затворником.

Уходя утром, он обернулся к помощнику у порога:

— Сегодня я ужинаю дома. Передай Дафэю, чтобы ждал меня за столом.

Как обычно, ровно через десять минут после того, как взревел мотор хозяйского автомобиля, Дафэй бесшумно спустился вниз.

Стоило Сяо Лю озвучить «высочайшее повеление», как Дафэй отставил недоеденную кашу, поднялся со стула и молча зашагал обратно к лестнице.

Погода за окном точь-в-точь повторяла день их приезда в Хэндянь. Небо наливалось свинцовой серостью, влажный воздух обещал скорый проливной дождь.

Дафэй снова сидел у окна, бездумно глядя на качающиеся ветви. В руке тускло поблёскивала бутылка. За забором давно никто не шумел — соседская вилла казалась вымершей, погружая всю округу в глухую, кладбищенскую тишину.

В какой-то миг в голову Дафэя закралась шальная, пугающая мысль: спуститься на кухню, выбрать самый острый нож и...

Но он отогнал это наваждение. В глубине души, вопреки здравому смыслу, ещё тлела безумная, почти детская надежда. Он не хотел устраивать кровавую бойню, не хотел этой тупой, бессмысленной резни.

Пока в груди теплилось дыхание, он отказывался хоронить свою мечту. И свою свободу.

На самом дне его дорожной сумки лежал новенький кожаный бумажник, в одном из отделений которого хранился старый билет в театр.

Контрольный купон был аккуратно оторван, хотя Дафэй так и не попал на то представление.

Дата на билете отсылала к прошлогоднему сочельнику. В тот самый вечер он, задыхаясь от

ярости, летел из Пекина в Шанхай, чтобы на глазах у изумлённой толпы врезать Пэй Яню прямо на открытой террасе.

Весь этот год пронёсся безумным, фантасмагорическим кошмаром. Глядя назад, Дафэй чувствовал себя так, словно вспоминал чужую, давно прожитую жизнь. Очертания прошлого стирались, память безжалостно искажала лица и голоса.

В комнате не горел свет. Дафэй осторожно поднял билет к лицу, ловя блёклый луч, пробивавшийся сквозь шторы. На обратной стороне бумажки синели едва заметные рукописные строки, чернила проступали сквозь тонкую бумагу неровными контурами.

В сознании набатом зазвучали слова, которые когда-то выжгли след в его душе: «Помни, чем ты пожертвовал ради дела, которое любишь».

У Дафэя предательски защипало в глазах.

"Чем же я пожертвовал?"

"Да почти всем."

"И ради чего? Чтобы остаться у разбитого корыта?"

Стрелки часов неумолимо приближались к пяти. Пэй Янь вот-вот вернётся.

Дафэй чувствовал, как внутри всё сжимается от одного лишь отвращения. Он не хотел видеть этого человека. Физически не мог заставить себя сесть с ним за один стол.

Алкоголь в крови требовал действия, развязывая руки и стирая остатки осторожности.

Какая разница — хмель ли туманил разум, усталость или глухое отчаяние? Мысли путались, но в их хаосе отчётливо кричало одно: этот ублюдок всё равно никогда не отпустит его добром. Так почему бы не попытаться сбежать прямо сейчас?

Пусть этот садист покажет, на что ещё он способен.

Парадные ворота усадьбы были заперты наглухо, а у будки охранника маячил силуэт дежурного.

Дафэй хмыкнул, подошёл к окну и решительно распахнул створки.

Колючий весенний ветер мгновенно ворвался в комнату, бросив в лицо пригоршню ледяной

сырости. Тело передёрнуло, хмель в голове мгновенно улетучился, уступив место чистой, холодной решимости.

Занеся ногу над подоконником, он замер на секунду. Оглянулся на комнату, ставшую его темницей на долгие двадцать дней, а затем, ухватившись за раму, ловко перемахнул наружу, нащупывая стопой толстую ветку старого искривлённого дерева.

Дерево жалобно скрипнуло под его весом, ветви мелко задрожали под порывами ветра. Но Дафэй с детства умел лазать по заборам и крышам лучше любого дворового мальчишки. Не дожидаясь, пока сук обломится, он скользнул к массивному стволу, цепляясь за шершавую кору, и через пару секунд мягко спружинил ногами на влажную землю соседского участка. Зажав в ладони сорванные по пути молодые клейкие листья — вестники наступившей весны, — он присел, прислушиваясь к тишине.

Ворота соседской виллы тоже были закрыты, но, к счастью, здесь никто не дежурил.

Подобные кованые решётки он брал штурмом не раз. В детстве, стоило отцу запереть его дома за учебниками, Дафэй тут же находил способ удрать через забор. Поначалу, конечно, срывался, расшибая колени до крови, но пьянящее чувство свободы всегда затмевало любую физическую боль.

Вспомнив об этом, Дафэй невольно улыбнулся одними уголками губ.

Он выскочил на улицу без куртки, в одном тонком свитере с высоким горлом, сквозь петли которого ледяной воздух жадно лизал кожу. Тело покрылось крупными мурашками, но этот пронизывающий холод казался ему прекрасным. Он идеально подходил его упрямой, злой натуре.

Запихнув весенние листья в карман джинсов, Дафэй уверенно дёрнул железные прутья ворот. Держались крепко.

Ухватившись за холодный металл, он полез вверх. Порывы ветра раскачивали створки, железо натужно звенело. Шершавые, покрытые облупившейся краской прутья царапали ладони, оставляя на коже саднящие следы, но он не обращал на это внимания.

В тот самый миг, когда чёрный автомобиль Пэй Яня мягко шуршал шинами, въезжая в соседний двор, Чжоу Дафэй легко, словно птица, перемахнул через острые решётки и спрыгнул на свободу с той стороны стены.